

Александра Матрусова

РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ И В ЖИЗНИ (по страницам произведений Александра Грина)*

Вера в чудо

Можно отметить, что в двух старших персонажах этой повести предугадывается то, что разовьется и расцветет в младших. Аристократизм воображения Эгля присущ Грью, и он смело действует, и в известной степени берет на себя роль провидения, как это сделал Лонгрэн, который стоял и смотрел на Меннерса, уносимого волнами, молча, как судья. Веру в чудо, которую так трогательно испытывает Ассоль, передал ей собиратель сказок.

Если характеризовать как романтических персонажей повести Лонгрена и Эгля, то к первому можно применить определение «пессимистичный», а ко второму – «оптимистичный». Лонгрэн, как всякий порядочный романтик, признает право дочери иметь красивую сказку, и почти дарит ее вместе с Эглем, признавая право волшебника дарить такие подарки, но при этом думает про себя «вырастешь – забудешь... Немало придется тебе увидеть в жизни, но не алых, а грязных и хищных парусов». Эгль же искренне *дарит* сказку и сам почти верит в нее.

Фигура Эгля интересна еще и тем, что он – герой А. Грина – обратил внимание на имя Ассоль. Необычность имен романтических героев А. Грина оправдывается устами сказочника: «Хорошо, что оно так странно, так однотонно, так музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины» [1] ... Таким образом, имя несет характер своего персонажа. (Например, Л. Михайлова так характеризует имя Тарта: «Короткое, как выстрел, имя: стремительность, движение, прыжок... Наверное, далеко не каждый из нас, читатель, станет сознательно расшифровывать для себя, что напомнило ему это имя (если начать слово «тарт» с буквы «с», образуется не имя, а понятие – «старт»). Но все равно – подсознательное ощущение рывка, полета остается» [2].)

Под влиянием одной необычной встречи и постоянной любви отца развивается характер Ассоль. Одинокая, она нашла в себе силы верить в то, что ей было ска-

* Окончание. Начало: Развитие личности. 2004. №2. С. 39–52.

зано, ни на секунду не сомневаясь в своей сказке, готовая отдать свою любовь тому, кто подарит ей эту сказку. Грэй воплотил ее мечту в жизнь, и это утвердило ее веру в чудеса.

Ассоль отличается от бывших до нее героинь – трепетной верой в чудо, и очень похожа на тех, которые были позже.

Очень скоро вслед за «Алыми парусами» появляется «Блистающий мир» (1921–1923 гг.), и новая героиня и новый герой утвердили красоту созданных А. Грином образов – тех, что так искренне стремятся сделать мир прекрасным, и которых так зло мир не принимает. «Образ-символ» – так называет Друда В.Е. Ковский. Символичность свойственна многим образам А. Грина вообще, и Друд скорее продолжает уже начатую Грэем традицию. Показательно, что, едва раскрывшись, образовавшись в своей полноте, романтические образы А. Грина становятся символами. В известной степени «символичность» образа можно даже назвать одной из характерных черт романтического героя, который достиг высшей точки своего развития. Это и не удивительно, ведь идеальный романтический герой – идеал созидательной силы. Так, Грэй можно назвать символом *романтичности человека*. Друд – *олицетворенное искусство*. «Друд – начало духовное, творческое: его внутренний мир, как ни огромен он, – родственен нашему миру воображения» [3], – так изложил свою концепцию образа Друда сам Грин.

«Блистающий мир» можно поставить на первое место среди романов А. Грина по разнообразию созданных образов (романтических и неромантических). Как отмечает В.Е. Ковский, «сверкающая ткань романа натянута на острия множественных оппозиций: Друд и Руна; Руна и Тави; Друд и Стеббс...» [4].

Друд и Тави – то абсолютное романтическое начало, которому противостоит Руна. В известной степени к романтическим можно отнести и Стеббса: с его искренним желанием писать стихи, необыкновенным музыкальным инструментом и трогательной привязанностью к Друду.

Но, наверное, начинать стоит с Друда. «Человек – двойная звезда», – так он назван на афише. Поразительна его способность летать, которую он сам в ответ на вопрос директора цирка характеризует так: «Об этом я знаю не больше вашего; вероятно, не больше того, что знают некоторые сочинители о своих сюжетах и темах: они *являются*. Так это является у меня» [5]. Он искренен во всех своих проявлениях: дважды он пытается подарить людям свое искусство – как чудо: сначала в цирке, потом в

«Сильным дуновением, ударом вихря погасить маленькое косное пламя невежественного рассудка...»

клубе воздухоплавания. Но оба раза люди отвергли это чудо, восприняли его только две девушки: Руна и Тави.

Друд стремится «сильным дуновением, ударом вихря погасить маленькое косное пламя невежественного рассудка». Другими словами, он всеми своими действиями разрушает обыденные представления, доказывая, что есть многое, непостижимое умом, то есть творит чудо. Несколько фраз из его диалога с Руной напоминают Грэя: «Страстно я привязан к цветам, морю, путешествиям, животным и птицам; красивым тканям, мрамору и причудам» [6] ... Друд – почти как Грэй, но он наделен большими возможностями. И именно невероятные способности Друда подчеркнута ярко рисуют отношение к чуду среди обывателей. Среди неромантиков. Стоит людям увидеть его полет, как их охватывает ужас: «Крики «Сатана! Дьявол!» подхлестывали волну паники; повальное безумие овладело людьми; не стало публики; она, потеряв связь, превратилась в дикое скопище... женщины теряли сознание; иные, задыхаясь, рвались к выходам; дети рыдали» [7] ... «Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений... Мужчины, женщины, дети впопыхах бежали к берегу, кто в чем был... наскакивали друг на друга, вопили и падали» [8] ... – Очень похожее описание – но уже эффект алых парусов приводит в ужас толпу, заставляя ее еще больше ненавидеть тех, кто творит чудо, – потому что толпе оно не подвластно и оттого толпа не хочет чуда и боится его – ведь, зная, что в мире возможны чудеса, более того – они происходят, нужно меняться – невозможно коснеть в «своей норке». А стремление к гармонии собственного внутреннего мира – гармонии в высшем смысле – дело трудное, изнуряющее, требующее полной отдачи всех сил, и не только себе – окружающим. Оттого толпа не хочет чуда и боится его.

Друду не нужно мировое господство, которое ему предлагает Руна, – оно не для творческой стихии его воображения. Он готов был подарить Руне чудо и ждал от нее – жажды чуда, но стоило только развернуть Руне перед ним свои планы – и Друд «внутренне отвернулся и ее слова были отброшены назад с равной им силой». Друд беспокойна стихия – как и Грэй, он в бесконечном движении, но это движение поиска, а не насилия, движение в порыве, а не по приказу. Ему важно рассматривать землю, точно чашечку цветка, потому что в этом – красота. И красоту Друд ищет во всем. Он не принимает стихов своего друга Стеббса, потому что они «дергают душу, не

«Творить – это, ведь, – разделять, вводя свое в массу чужой души»

разделяя ее». И здесь же Друд дает определение творчеству: «Творить – это, ведь, – разделять, вводя свое в массу чужой души» [9]. То есть то прекрасное, что есть у тебя, – отдавать другому. И новая душа будет у него и новая – у тебя.

Кроме того, нельзя не отметить, что Друду, как и Грэю, свойственно то, что выше названо *«радостной уверенностью в своем счастье»*. «Утром хорошо все», – говорит попутчик Тави, как бы утверждая этим не только красоту момента, но и красоту жизни, а следовательно – счастье жить.

Руна – то совершенство классического типа, каким определяет Л. Михайлова Биче – героиню более поздней повести «Бегущая по волнам», – стремится к совершенству на земле. Сложно определить ее сущность как романтическую, но романтизм ей, несомненно, присущ – оттого, что она воспринимает чудо – полет Друда – и верит в это чудо. Ей чужд страх перед чудом, но только до поры. Как только Друд объясняет ей, что ценность его способности – в том, что это – *чудо*, а не в том, что на его основе можно построить мировое господство, и Руна возвращается на землю. «Если нет власти здесь, я буду внизу», – отвергает она все, что ей предлагается, и заглушает в себе ростки романтической личности. Был аристократизм воображения – перешел в болезненную изоциренность ума в охоте за Друдом, жажда деятельности опять-таки обратилась на охоту за Друдом. Все лучшее в Руне, что мог бы полюбить Друд и от чего он чувствует печаль, – подавлено. Руна – первая из героинь А.Грина, которая не проходит путь до конца, а действительно застывает как «совершенство классического типа».

Иное дело – Тави. Она проста, проста, как Ассоль, и так же по-детски верит в чудо. Ей не хочется извлечь из него выгоду – достаточно того, что чудо есть и в этом можно убедиться. Чудо прекрасно – и не случайно именно Тави видит полет Друда в его лучшем, если можно так назвать, оформлении. «Вначале тихо, а затем с стремительно возрастающей силой тысячи мельчайших струн... все вязи и гирлянды колокольчиков стали звенеть, подобно знойным полям кузнечиков, где звенит и кричит каждый листок». Тави и Ассоль объединяет и еще одна черта, но в характере Тави она нарисована всего несколькими штрихами, впрочем, необыкновенно яркими. На крик возмущенного председателя Клуба воздухоплавателей «Кто ожидает этого? Кто ждет? Кто верит?» Тави со смехом и ужасом кричит: «Я! Я! Я!.. Да, да, я; я знаю что он полетит» [10]. Обе героини встают на защиту еще

не совершившегося чуда, но только Ассоль защищает это чудо своей верой в него, тем что долго бережет свою сказку, а Тави – одним отчаянным выкриком, которого от нее ждал, наверное, Друд, и которым она натворила себе неприятностей. Тави чутко восприняла красоту изобретения Друда – и этого оказалось достаточно, чтобы поверить в чудо. «Славное сердце», – так определяет ее натуру Друд. «Я шел, а ты остановила меня... пора мне заботиться о тебе и с открытым сердцем слушать тебя», – говорит он ей. Эти слова похожи на то, что высказал Грэй своей Ассоль.

Так Грэй приобретает новые способности, становясь Друдом, – приходит новое выражение романтического героя. Всю труднее и труднее находить людям в себе силы для восприятия чуда, и Друд приходит им на помощь, говоря, что «каждый человек должен играть». В этой мысли заключено объяснение восприимчивости и искренности Тави и Ассоль. Пока человек играет, в нем живет ребенок, а ребенок верит в чудеса.

Нельзя не отметить, что Друд не одинок, но близок к этому. Его друзья – Стеббс и Тави – готовы защитить его, но их защиты мало, да и просто самих их мало, да и им самим нужна защита – как любому чуду. Смогла ли любовь Тави до конца защитить Друда от преследователей? Сложно однозначно ответить на этот вопрос, потому что сложно однозначно объяснить финал романа. Руны объявили, что преследователи Друда потерпели поражение, – она выходит из дому и видит на мостовой разбившегося человека. В первую очередь напрашивается вывод, что это Друд, – но мог ли автор так жестоко бросить на произвол судьбы Тави? Наверное, ближе к истине другая трактовка, основанная на внимательном прочтении текста, – «легла ничком» душа Руны, а поскольку она находилась в состоянии, похожем на бред, то увидела на тротуаре именно того, кого и хотела. Так, сюжет за сюжетом, герой за героем, приходит автор к выводу о том, что романтику, идущему своим путем, трудно и радостно, а романтику, замершему на дороге, – не избежать того, что произошло с Руной, – душа ляжет ничком, не выдержав раздвоения.

На стремлении защитить чудо разворачивается сюжет романа «Бегущая по волнам». Облегчает задачу разбора образов этого романа то, что две из трех женских героинь – почти точные копии Тави и Руны. Третий образ романа – Фрези Грант – больше сопоставима не с Ассоль или Тави, а с Друдом. Во многом это повторение образа Друда – это тоже постоянное стремление, но стрем-

Романтику,
идущему своим
путем, трудно и
радостно

Ни на секунду не
останавливаясь,
торопиться – туда,
где ты нужен,
туда, где нужно
чудо

ление успеть помочь. Это создание прекрасной легенды, подобно тому, как сказочник Эгль создал сказку для Ассоль.

Ярок образ капитана Геза – персонажа, который своим мрачным движением к ему одной известной цели дает направление и развитие всему сюжету. Его романтичность как образа не вызывает сомнений, но все его яркие черты представлены со знаком минус. Его можно сравнить с Энниоком – он очень близок ему – по мотивации поступков, даже по способу избавления от ненужного человека: если Энниок высаживает Гнора на необитаемый остров, то Гез оставляет Гарвея одного на шлюпке посреди океана. И при этом Гез не рисуется стереотипным злодеем, его пылкая любовь к Биче, трепетное исполнение Шопена открывают тайну его натуры: он постоянно в движении, в изменении. Можно сказать, что это еще один антипод бегущей по волнам – Фрези Грант. Тоже бегущий по волнам – но по своей земной прихоти, а не по чистому зову сердца, капитан Гез погибает еще до того, как в него стреляют. С его корабля уходит в шлюпку Гарвея бегущая по волнам, Фрези, как бы символизируя таким образом то, что отныне удача оставляет Геза.

В раннем творчестве А. Грина можно найти и предвестника Гарвея – это Галиен Марк («Возвращенный ад»). Он обладает тем же, что и Гарвей, – невероятно обостренной способностью воспринимать действительность. Но Гарвей являет собой в то же время и нового героя – он первый, кто начинает погоню за Несбывшимся, и видит счастье ушедшим. Черты Друда и Грэя выражаются в образе Фрези, а Гарвей уже предвосхищает Галерана и Давенанта.

Фрези приходит к Гарвею в нужную минуту (как Друд), и Гарвей позже встает на защиту статуи Фрези. Но образ Гарвея уже суше и строже, нежели Грэя. Гарвей готов прийти на помощь, готов подарить чудо – и дарит его своей жене Дэзи, тайком от нее подготовив ей дом. Но Фрези продолжает стремиться куда-то, а Дэзи и Гарвей остаются. Несбывшееся в образе бегущей по волнам стремится дальше, и символично ее обращение к героям: «Добрый вечер, друзья! Не скучно ли на темной дороге? Я тороплюсь, я бегу...». Быть может, в последних словах Фрези заключена суть романтического образа – не только ее, но и Друда, и Грэя. Ни на секунду не останавливаться, торопиться – туда, где ты нужен, туда, где нужно чудо, – вот то, чего достигают романтические герои А. Грина. Фрези стремится дальше...

А потом, в 1830 году, появляется «Дорога никуда». Напряженный и печальный, этот роман словно возвращает читателей из «Гринландии» в реальный мир.

«Беззащитно сердце человеческое! А защищенное – оно лишено света, и мало в нем горячих углей, не хватит даже, чтобы согреть руки»

Здесь поначалу, кажется, есть все те же герои, что и прежде – и юный и искренний Давенант, который вполне может стать Грэем, и две прелестные девушки, сестры Розна и Элл, которые напоминают образы Тави и Дези.

Но развитие действия постепенно утверждает мысль о невозможности не только творить чудеса, но даже и просто существовать в привычном мире, не соответствуя ему, возвышаясь над ним и поднимая его до себя. Давенант сталкивается с «болезненной изнанкой жизни» [11], и ему не по силам изменить это. Что отличает последний роман А. Грина от прочих? То, что герои не творят чудо. Словно замирает в бездействии Давенант в своей гостинице, исчезает Галеран. Мотив чуда звучит – сначала дочери Футроза, потом Галеран пытаются подарить чудо Давенанту, но оба раза реальность разбивает мечты – в первый раз появляется отец и разбивает мечты Давенанта, во второй раз сама смерть не дает осуществиться надеждам Галерана на спасение юноши.

Романтический герой подтягивает, притягивает к себе. Вокруг Давенанта сконцентрировалось «всё лучшее человеческих сердец», и среди эпизодических и второстепенных персонажей обнаруживается бесконечное разнообразие героев, романтических в своем стремлении спасти Давенанта.

«Беззащитно сердце человеческое! А защищенное – оно лишено света, и мало в нем горячих углей, не хватит даже, чтобы согреть руки» [12], – произносит Галеран, и тем самым объясняет всю трагедию последнего романа А. Грина. В этом мире не проживешь без защиты, но чтобы творить чудеса, нужен свет. Грин уводит своих героев за собой, в свою Гринландию, но жить там – значит полностью отдать себя блистающему миру, а это может Друд, наделенный чудесными способностями, Тави, обладающая душевным светом, – те, кто поддержит друг друга. Но без помощи Фрези Грант не найти пути на темной дороге, и потому, оставшись, как и их создатель, одни, герои уже не выдерживают противоборства с жестоким, не желающим возвыситься миром. Недаром в замысле незаконченного романа А. Грина «Недотрога» было нападение обывателей на дом девушки, которая выращивала цветы-недотроги и давала приют одиноким сердцам. Кроме того, герои «Недотроги» – Харита, Дегж, Ферроль – берут в руки оружие, чтобы защитить тот

хрупкий мир, который готовы разрушить окружающие их люди просто из злобы.

В незаконченной повести обрисовывается тот тип романтического героя, который, наверное, только и может существовать в мире обывателей. «Недотроги – это люди, ничем особенным не привлекающие внимания. Они остро, а в беде – болезненно – ощущают несправедливость, душевную тупость, хамство... Страдают от этого» [13]. Они уже не обладают искрометным талантом Друда, щедростью на чудеса Грэя. Недотроги остаются чуткими, но большего мир, в котором они живут, не примет, и малейшая попытка подарить чудо отзывается всплеском ярости – так отозвались люди на то, что Харита растила цветы-«недотроги». Стоит вспомнить напряженную чувствительность Гарвея, чуткость, характеризующую женские образы, чтобы прийти к выводу о том, что романтический герой А. Грина окончательно сформировался – он так и не защитил свое сердце и продолжал дарить свет и в незаконченной повести.

Романтические
категории

Для романтических героев А. Грина вольно или невольно образуются романтические категории, которые при ближайшем рассмотрении оказываются близки и романтикам реальной жизни.

Первая категория, раскрывающая характер, – категория *случая*. Так, Тави становится «случаем» для Друда – в нужный момент она сказала нужные слова, а Друд в нужный момент оказался рядом. На случайных встречах основывается сюжет «Алых парусов» (таким образом еще раз оправдывается сказочность этого произведения – ведь случай – категория очень частотная в сказках), многие события «Бегущей по волнам» – цепь случайностей.

Все эти случайности, однако, закономерны, они логично следуют из всего повествования. Случайное обнаружение яхты «Бегущая по волнам» было предопределено для Гарвея его постоянными размышлениями о Несбывшемся и странно услышанными словами. Встреча с Биче Сениель была предсказана бегущей по волнам, так же как и встреча с Дези.

Счастливой случайностью была и встреча Давенанта с дочерьми Футроза, и по совету Галерана они берут на себя роль случая. Появление отца Давенанта – тоже случай, хотя уже не счастливый, и случайно появление юноши в гостинице «Суша и море».

Необдуманные поступки, дерзкие подчас решения, порывы и стремления – все это диктуется одним – *стремлением к свободе*. Это стремление – то, что связывает ро-

мантических героев всех времен и стран, то, что является одной из ярчайших черт героев А. Грина. Они ничего не боятся – их не страшит бедность (Тави Тум, Ассоль, Давенант...), их не страшит одиночество (Ассоль, Тарт, Друд), их даже не испугает преступление, если оно должно совершиться во имя справедливости, во имя торжества Правды (Дегж, один из персонажей неоконченной повести «Недотрога»). Только страх потерять свободу, возможность дышать чистым воздухом, идти туда, куда стремится душа, и протягивать руку помощи, страх потерять разноцветный мир может затуманить бесстрашие их гордых душ. Так, стремление Тарта уйти – это не акция протеста, а желание, естественное, как жажда: «Тарт... шел, радуясь, как ребенок, великолепным новинкам леса... Не было имени этому миру, и Тарт молча принимал его» [14]. И чуть позже в тексте: «Да здравствует прекрасная неизвестность» [15]. Тави пугается не столько визита полицейских, сколько того, что ее насильно вырывают из её мира.

Наверное, во многом эта ненависть к тюрьме, к клетке как олицетворению всего самого мерзкого в мире передана героям от их создателя (вспомнить только его впечатление от тюрьмы, так ярко описанное в «Автобиографической повести»). Но как же меняется понятие свободы и тюрьмы у героев разных лет! Свобода для Тарта – это одиночество, возможность идти, куда пожелаешь, и делать, что пожелаешь, не ограничивая себя какими бы то ни было правилами. Свобода у него – уход от моря.

Здесь необходимо ввести еще одну категорию, по которой могут быть проверены все романтические герои. Эта категория – *Море*. Так или иначе, все герои связаны с морем. И вот что важно – герой, который воистину *романтичен*, герой, стремящийся к свободе в ее лучшем и высшем проявлении, всегда связан с морем. Море для него или мир, в котором он живет, или возможный путь спасения, или предел мечтаний. Стихия становится символом, идеальным, как сам романтизм. Грэй (капитан), Ассоль (счастье к ней приходит с моря, и символ ее мечты – парус), Тави, Друд (прибежище его – маяк), Дези, Гарвей; и – самый яркий пример – Фрези Грант – идеальный романтический Герой, олицетворение свободы и романтизма приходит из моря, это не просто ее стихия, это – абсолютное ее место обитания. Также и в море (на остров), по замыслу писателя, должна была отправиться Харита («Недотрога»).

И, наконец, еще одна категория, уже упомянутая, – это *прекрасная неизвестность*, или *несбывшееся*. Через

это проходят так или иначе все герои, только для ранних героев – это шаг навстречу неизведанному, для героев «эпохи Грэй» – стремление творить прекрасное неизвестное или уже погоня за несбывшимся, а для поздних героев – это уже даже и не погоня, а тоска по несбывшемуся («Как монотонно и как нелюбопытно я жил», размышлял Галеран, испытывая беспокойство, зависть к неузнанному» [16]).

Романтики в быту

А.С. Грин в ответ на предположение о том, что он берет свои сюжеты и темы у кого-то из западных классиков, уклончиво говорил – у меня свое. Это свое – в том числе и романтические герои, которые меняются в его творчестве от одинокого – к окруженному друзьями и снова – к одинокому. Каждый из этих героев стремится к свету и красоте, и если он их достигает, то способен сделать счастливыми окружающих, если же нет – не может существовать в мире без света и красоты.

Автор регулярно сталкивает своих героев (и особенно героинь) с бытом. И эти столкновения не разочаровывают ни героев, ни читателя – быт может быть поднят до почти романтического озарения светом героев. (Например, Тави угнетает убогая обстановка ее комнаты – и ей на выручку приходит нежный аромат духов, накапанных на платок, книжка и ее собственное воображение – мелочь, казалось бы, преображающая дом. Угощать гостей Тави хочет шутками и хорошим настроением, а такую, казалось бы, скучную донельзя (особенно для мужчины) тему, как вкладывание души в уютное гнездышко, Гарвей превращает в целое романтическое действо, и становится ясно, что здесь любовной лодке «разбиться о быт» не грозит ни в каком случае.

И все же – чем позднее написан роман, тем меньше друзей у романтического героя, тем острее его конфликт с внешним миром. Романтический герой А. Грина начал с того, что ушел от реальности – один, без друзей, потому что не осознал их необходимость и потому что не было тех, кто его понимает. А в итоге жизненного пути он вновь остается один, без друзей, но ему уже не удается уйти от мира – слишком тесно связывает его действительность.

Именно в уста своему герою автор вкладывает самые важные мысли и выводы. Так, Грэй произносит знаменитую фразу о том, что надо делать так называемые чудеса своими руками (стоит обратить внимание, что этот эпитет «так называемые» ни в коем случае не принижает статус чудес – он лишь доказывает, что сделать чудо гораздо проще, чем это кажется), «надо уметь любить», –

говорит Лонгрен, и итог подводит Галеран: «Беззащитное сердце человеческое». Именно беззащитное сердце сохраняют все герои А. Грина на протяжении всего творческого пути автора, они остаются недотрогами, как бы представляя собой тот идеал, к которому можно и стоит стремиться. Писатель не прощает душевной заурядности, и все его герои – призыв к гармонии и человечности. Ведь созданы они так ярко и просто, что, как отметила Л. Михайлова, начинаешь верить, что они и правда существуют. И находишь их в жизни – в самых простых людях, стремящихся к гармонии и красоте, так необходимым в современном мире.

-
1. *Грин А.С.* Алые паруса // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 14.
  2. *Михайлова Л.* Александр Грин. Жизнь, личность, творчество. М., 1980. С. 33.
  3. Цит. по: *Ковский В.Е.* Реалисты и романтики: из творческого опыта русских современных классиков. М., 1990. С. 288.
  4. *Ковский В.Е.* Реалисты и романтики: из творческого опыта русских современных классиков. М., 1990. С. 298.
  5. *Грин А.С.* Блистающий мир // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 72.
  6. Там же. С. 127.
  7. Там же. С. 82.
  8. Там же. С. 66.
  9. Там же. С. 132.
  10. Там же. С. 168.
  11. *Михайлова Л.* Александр Грин. Жизнь, личность, творчество. М., 1980. С. 198.
  12. *Грин А.С.* Дорога никуда. Брак Августа Эсборна. Огонь и вода. По закону. М., 1994. С. 213.
  13. *Варламова Л.* «Недотроги» // Крымский альбом. Б.г. С. 151.
  14. *Грин А.С.* Остров Рено // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 374.
  15. Там же. С. 388.
  16. *Грин А.С.* Дорога никуда. Брак Августа Эсборна. Огонь и вода. По закону. М., 1994. С. 156.
-